

ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

МАЛАЯ СЕРИЯ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2003

ФРАНСИС КОНТ

К ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АНТРОПОЛОГИИ
СОВЕТСКОЙ
СИСТЕМЫ

Внешнеполитические аспекты

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2003

ББК 66.3(2Рос)12

К 64

Конт Ф.

К 64 К политической антропологии советской системы: Внешнеполитические аспекты / Пер. с фр. Я. Ю. Богданова. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 224 с. — (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).

ISBN 5-94457-080-6

Составившие сборник статьи Ф. Конта были написаны в разные годы. В них анализируются проблемы, относящиеся к двум узловым моментам советской истории — послереволюционному периоду и времени правления М. Горбачева. Эти работы объединяют три важных фактора: во-первых, тематическая общность — Советский Союз как особая система в контексте международных отношений; во-вторых, единство методологии — концептуальный подход к истории, возможности которого расширяются при сочетании его с «антропологическим заходом»; наконец, в-третьих, целенаправленные усилия по обновлению круга источников (путем как можно более частого обращения к архивным материалам).

Книга адресуется историкам, преподавателям и всем, кому интересны новые подходы к изучению советского прошлого.

ББК 66.3(2Рос)12

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России кроме издательства «Языки славянской культуры» имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-080-6

9 785944 570802 >

© Я. Ю. Богданов. Перевод с фр., 2003

© Ю. С. Саввич. Оформление серии, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

I

Революция и проблема насилия: Христиан Раковский и Красная Армия на Украине (январь — август 1919 г.) ...	15
Христиан Раковский — наркоминдел Украины (январь 1919 — август 1923 г.).....	53
Ллойд Джордж и Рапалльский договор	89
«Ультиматум Керзона»: обстоятельства появления, смысл и последствия (1920—1923)	123

II

Граница: смысл и восприятие	137
Секретность и гласность в России и в Советском Союзе	159
Конфронтация, обмен и дарение в дипломатии Горбачева	183
Страх в зеркале советской политической частушки	199

ПРЕДИСЛОВИЕ

Статьи, собранные здесь под одной обложкой, были написаны в разные годы. В них рассматриваются вопросы, относящиеся к двум узловым моментам советской истории: после-революционному периоду и времени правления Горбачева. Эти работы объединяют три важных фактора. Во-первых, тематическая общность: Советский Союз как особая система в контексте международных отношений (ведь, согласно марксистскому учению, внешняя политика являлась продолжением внутренней политики); во-вторых, единство методологии: концептуальный подход к истории, возможности которого расширяются при сочетании его с «антропологическим заходом»; наконец, в-третьих, целенаправленные усилия по обновлению круга источников (в данном случае путем как можно более частого обращения к архивным материалам).

Поскольку в СССР доступ к архивам (особенно по современной истории) для иностранцев был практически закрыт, приходилось строить работу на тех материалах, которые по тем или иным причинам попали за границу. Знаменитый «смоленский архив»¹, позволивший вскрыть механизм функционирования советской системы внутри страны, лишь в очень небольшой степени относился к нашей теме, поэтому в основном нами использовались другие источники, среди которых невероятно богатый архив Троцкого в Гарварде² и архив Л. Б. Красина в Амстердаме³.

¹ Материалы этого архива ввел в научный оборот американский историк М. Фейнко (см.: *M. Fainsod. Smolensk under Soviet Rule. Harvard University Press, 1958*).

² Houghton Library, série bM. S.

³ Institut d'Histoire Sociale.

Недоступность архивов, отсутствие документов вынуждали укреплять прежде всего концептуальную сторону анализа: насилие и его использование политической системой (статья 1 настоящего сборника); граница и представления о ней (5); секретность и гласность как политическая стратегия (6); конфронтация, обмен и дар в тактике Горбачева (7). Три других эссе также представляют собой изучение частных случаев с опорой на тот или иной концепт, будь то нация (2), компромисс (3) или его противоположность — ультиматум (4), однако здесь предоставилась возможность опереться на ранее неизвестные документы, что, соответственно, уменьшило необходимость форсировать тот самый «антропологический заход», о котором речь еще впереди. Одним словом, принцип сообщающихся сосудов дает о себе знать и в работе историка!

Впрочем, независимо от применяемого метода и от «дозировки» концептов и фактов, как точно указывал Мишель Фуко, «науки всегда нацелены на открытие простейших элементов и их последующее выстраивание»⁴. Эти «простейшие элементы», это «твердое ядро мягкой материи»⁵ суть не что иное, как «инварианты» — предмет изысканий любого ученого: скажем, Роман Якобсон полагал, что поиск «инвариантов в вариациях» составляет методологическую основу всех его работ. Обнаружение таких инвариантов (в числе которых могут оказаться и структуры) позволяет лучше справляться с бесконечным разнообразием феноменов: предмет исследования не ускользает из поля зрения, «точки отсчета» остаются легко различимыми, даже несмотря на крайнюю изменчивость системы отношений между инвариантами.

⁴ *M. Foucault. Les mots et les choses. Paris: Gallimard, 1966 (рус. изд.: М.: Прогресс, 1977; СПб.: А-сэд, 1994).*

⁵ Это выражение (*le dur du mou*, букв.: то твердое, что содержится в мягком), принадлежащее историку Полю Вейну, вполне употребимо, в той мере, в какой гуманитарные науки — или науки о человеке — являются «мягкими» по сравнению с точными науками, о которых говорят как о «твердых» (подробное рассуждение см.: *P. Veyne. L'histoire conceptualisante // J. Le Goff, P. Nora. Faire de l'histoire. Paris: Gallimard, 1974. P. 94—133).*

Очевидно, что концептуальный метод открывает поистине бесконечные возможности для углубленного постижения прошлого. Одним из первых это продемонстрировал крупнейший социолог и экономист Макс Вебер, а позднее возникло целое научное направление политических исследований, открывшееся работами Рэмона Арона, который считал, что подлинные уроки истории — это «уроки опыта, проясненные концептуализирующим усилием»⁶. В настоящее время, признавая огромный вклад, который внесла в историческую науку школа «Анналов» с ее «историей ментальностей», большинство специалистов сходятся в том, что «концептуализация, скорее всего, и есть способ объяснения истории»⁷. В самом деле, именно концепты позволяют вывести историю из «полутекучего состояния», когда она ускользает из рук, а кроме того страхуют историка культуры от «опасности импрессионизма»⁸.

И, наконец, последнее — чтобы не перегружать это методологическое вступление: что может дать политическая антропология, в чем ее специфика? Как отмечал Клод Леви-Стросс, антропологический подход состоит в том, чтобы выделить «то, что люди обычно и не думают фиксировать на камне или на бумаге», сохранить и определенным образом сгруппировать «особенности поведения, которые сами действующие лица истории не имеют никаких причин сохранять в письменном виде, даже если бы им это вдруг пришло в голову»⁹: это и разного рода специфические отношения, и воображаемое, и роль священного, ритуалов и вообще все, что принадлежит сфере иррационального и воображаемого в общественном поведении людей. Жорж Баландье, первым из французских ученых применивший антропологию к изучению политической жизни современного общества, полагал, что

⁶ R. Aron. Qu'est-ce qu'une théorie des relations internationales // Revue française de science politique. XVII. 1967. P. 847.

⁷ G. Lebrun. Un historien dans le sublunaire // Critique. Juillet 1971. P. 662.

⁸ P. Veyne. Op. cit. P. 71, 85.

⁹ Этому посвящена одна из его книг (C. Lévi-Strauss. Le regard éloigné. Paris: Plon, 1983).

необходимо анализировать власть в ее структурообразующих связях со всем, что восходит к священному, символическому, воображаемому и что определяет, в частности, характер отношений между индивидом, общественной группой и властью¹⁰. Таким образом, трансгрессия, миф, магия, а следовательно, и насилие, секретность, границы и пределы — все это включается в сферу весьма таинственных отношений между человеком и властью.

Именно предмет исследования отличает политическую антропологию как от политических и юридических наук (заниматых изучением общественных структур и их персонального состава, анализом процесса принятия решений и т. п.), так и от социальной антропологии (объектом внимания которой является человек в обществе, понимаемом прежде всего как особая интегративная система). Такой подход может прийти на смену традиционной советологии и выявить те препятствия, с которыми сталкивается Россия на нынешнем переходном этапе, поскольку эти трудности зачастую обусловлены ее исторической традицией, политической культурой и причудливой траекторией развития, лишь усложнившегося в результате действия архаизирующих тенденций, присущих сталинской системе. В политической области следует обращать особое внимание на различные типы поляризации, например на изменения в соотношениях между вершинами упомянутого треугольника индивид / группа / власть. Это закономерно ведет к изучению вопросов о связях между авторитетом и участием, о статусе объединительных и деструктивных идеологий, об относительной значимости иностранных моделей, о различиях в ритмах социального развития (на что пронизательно указывал Юрий Лотман, когда обнаруживал в оппозиции Восточная Европа / Западная Европа проявление соответственно бинарной или тернарной схемы эволюции). Можно также сосредоточиться на анализе человеческих представлений, вос-

¹⁰ G. Balandier. *Le Détour: pouvoir et modernité*. Paris: Fayard, 1985. См. также: *Le politique des anthropologues // M. Grawitz, J. Leca. Traité de sciences politiques*. Paris: PUF, 1985. P. 309—334.

приятий и на системах, которые делают их функциональными или дисфункциональными, на исключительно важной роли категорий пространства и времени и т. д.

Итак, сочетание концептуального метода с «антропологическим заходом» представляется чрезвычайно плодотворным. Историко ясной мысли оказывается возможным дополнить историей «бездонной» мысли, имеющей пока довольно неясные очертания, но признаваемой сейчас в качестве важнейшей составляющей нашей способности представить себе прошлое рода человеческого во всей полноте. Остается только присоединиться к утверждению Поля Вейна о первостепенном значении концептуализации для истории, ибо она позволяет перейти от простого знания исторических фактов к знанию скрытых пружин истории и природы человека.

Ф. Конт
Париж, апрель 2002

I

РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ: Христиан Раковский и Красная Армия на Украине (январь — август 1919 г.)

Мы не утописты и не Дон Кихоты. Мы люди, знающие, в чем наша сила и в чем сила революции.

Х. Раковский. Англия и Россия
(Харьков, 1923. С. 26)

I. Теория

Вплоть до XIX века история воспринималась то как «меланхолическая случайность» (Кант), то как «печальное и бессмысленное смещение всего со всем при безраздельном господстве насилия» (Гете)¹. Конечно, какой-нибудь социалист-«утопист» вроде Прудона уже мог вообразить себе некое непрекращающееся революционное движение, которое он задолго до Троцкого назвал «перманентной революцией». Однако нужно было дожидаться прихода Маркса и появления научного социализма, чтобы люди понемногу перестали считать себя просто включенными в историю — да еще в такую, где все бессмысленно, — а включили бы ее саму в сферу того, что считается понятным. Диалектический материализм, казалось, высветил скрытые пружины исторического процесса, поэтому все марксисты — и в особенности большевики — смотрели на себя как на субъектов исторической необходимости, как на

¹ См. по этому поводу размышления Ханны Арендт в ее работе «О революции» (*H. Arendt. On Revolution. London: Faber & Faber. P. 48*).

властителей судеб человечества и единственных обладателей ключей от будущего.

При таком самовосприятии вполне логично возникала мысль об использовании силы для осуществления политических идеалов, ведь предполагалось, что они полностью соответствуют «ходу истории». Становилось возможно, например, использовать войну для ускорения окончательной победы революции. Таким образом, если для Французской революции 1789 г. основополагающим был принцип свободы, то большевики в 1917 г. совершили революцию, опираясь главным образом на понятие необходимости.

Гегель считал, что быть свободными для людей означает подчиняться необходимости в силу того, что они ее осознают. Следуя своей доктрине, большевики из понятия свободы сначала сделали некую необходимость, а потом эту суровую необходимость представляли как свободу.

1. Проблема вооруженного восстания

Как почти все марксисты того времени, Христиан Раковский² вплоть до 1917 г. был убежден, что в России созрели условия лишь для буржуазной революции. Ленин же, охваченный нетерпением азартного игрока, пришел к убеждению, что ход истории можно ускорить, если заставить буржуазную революцию перерасти в пролетарскую. Это было явным отклонением от классического марксизма, хранителем чистоты которого выступили меньшевики, но Ленин решительно пошел на раскол в самой марксистской среде: для взятия власти и воплощения своей мечты он создал партию большевиков, чья сила заключалась прежде всего в жесткой дисциплине. Еще одним важным поводом к расколу и самоизоляции Ленина стал сугубо теоретический вопрос, имевший, однако, далеко идущие практические последствия, а именно вопрос о вооруженном восстании, которое, как всегда считалось,³ должно привести в движение механизм революции.

² Автобиография Христиана Раковского в переводе на французский язык вышла в сборнике «Большевики о самих себе» с замечательным предисловием Ж.-Отта (С. Haupt, J.-J. Marie. Les Bolchéviks par eux-mêmes. Paris: Maspéro, 1969. P. 343—360).

Для большинства марксистов восстание представляло неким самопроизвольным актом. Так, Христиан Раковский полагал, что говорить о подготовке восстания означает вступать в глубокое противоречие с самим понятием восстания³. В 1902 г. именно он больше всех возражал Ленину, когда тот закончил свое выступление на собрании в парижском кафе на улице Флаттер⁴. Будущий вождь большевиков горячо отстаивал свою точку зрения, которая заключалась в том, что лишь путем сознательной подготовки и организации можно вызвать действительно мощное революционное движение, причем говорил он так резко и не выбирая выражений, что Раковский тогда же придумал ему кличку: «боксер»⁵. Ленин закончил словами, которым он явно хотел придать характер пророчества: «Потерпев поражение, мы все начнем сначала... Революция это не одна битва, а целый ряд боев, из которых кое-какие могут быть проиграны. Но мы знаем, что конечная победа будет за рабочим классом»⁶.

Пятнадцать лет спустя, на собрании циммервальдской группы в Петрограде в июне 1917 г. Раковский вновь выступил против Ленина по вопросу о восстании, указав, что «переход всей власти к Советам может произойти законным путем»⁷. Однако всего через пять месяцев, когда Октябрьское восстание в Петрограде доказало обоснованность некоторых ленинских тезисов, Раковский раз и навсегда отбросил свои обвинения Ленина в «бланкизме». По свидетельству Троцкого, Раковский «пришел тогда к Ленину как признательный ученик, в котором не было уже ни тени ревности по отношению к

³ Х. Раковский. Ленин и Маркс // Молодая Гвардия. 1924. № 2—3. С. 439—443.

⁴ Там же.

⁵ Это выражение уже в следующем году подхватили меньшевики: после раскола в среде русской социал-демократии они с неодобрением отзывались о «железном кулаке Ленина». Ср. V. V. Vorovski. V. I. Lenin. Bote der russischen Revolution, 28. 11. 1917 (позднее вошло в сб.: В. В. Воровский. Статьи и материалы по вопросам внешней политики. М., 1959. С. 133).

⁶ Х. Раковский. Указ. соч.

⁷ Там же.

учителю»⁸. Впоследствии Раковский признавался Ленину, что в свое время он считал его «доктринером, человеком одной системы»⁹ и только потом увидел, что перед ним необыкновенный «реалист» и «творец», равновеликий Марксу. После 1917 г. Раковский уже полностью разделяет ленинскую теорию революции, которую Троцкий определял как «марксизм в развернутом виде»¹⁰. «Ленин спас марксизм от вырождения, — писал Раковский в 1924 г., уже после смерти вождя. — Продолжив дело Маркса, Ильич заложил основы ленинизма как учения о классовой борьбе применительно к нынешним историческим условиям»¹¹.

В октябре 1917 г. Раковский приветствовал победоносное восстание, видя в нем «величайшую, решающую минуту для всего пролетариата»¹², предвестие революционных войн. Уже в ноябре 1917 г. он заявил о своем желании вступить в ряды большевиков, ибо эта партия стала подлинным выразителем интересов пролетариата, борющегося за свое освобождение. Отныне Раковский убежден, что все революционеры должны сплотиться и объединить пролетариев всех стран для того, чтобы начать последнюю войну, войну без границ, войну межклассовую, а не межнациональную, как то было раньше.

До 1917 г. Раковский постоянно отделял насилие от революции. Так, кровавое подавление демонстрации румынских рабочих в Галаце в июне 1916 г. произвело на него тяжелейшее впечатление¹³. Можно сказать, что Раковский был до известной степени «демократом», не признающим насилие как средство достижения политических целей. С другой стороны, он неизменно восхищался духом Великой французской рево-

⁸ Л. Троцкий. Раковский — дипломат // Архив Троцкого (Houghton Library, University of Harvard), bMS. Russ. 13, T 3491.

⁹ На самом деле, прежде чем сказать эти слова Ленину, Раковский вложил их в уста Жака Садуля (Х. Раковский. Указ. соч.).

¹⁰ Л. Троцкий. Указ. соч.

¹¹ Х. Раковский. Указ. соч.

¹² Письмо тов. Х. Раковского социалистическому правительству Российской республики, Стокгольм, 18 ноября 1917 г. // Известия. 1917. 29 ноября.

¹³ «Автобиография» Раковского в: С. Haupt, J.-J. Marie. Loc. cit.

люди и применительно к ней отстаивал мысль о том, что война была необходима. В 1905 г. он писал: «Революции и войны на протяжении четверти века, с 1789 по 1815 г., имели самые разнообразные и непредвиденные последствия в силу самого своего характера. Они нанесли Европе сокрушительный удар, который пробудил к жизни все духовные и физические резервы каждой нации. Это была эпоха грандиозных битв и интенсивной жизни, когда и народы, и интеллигенция, и короли должны были проявить весь свой ум и всю свою волю»¹⁴.

После победы Октябрьского восстания Раковский убедился в том, что для продвижения вперед дела революции следует использовать вооруженную силу: сам по себе исторический процесс потребует слишком много времени, чтобы привести народы к освобождению от классового угнетения. Теория Маркса предстала в новом свете, ленинизм позволил ей обрести плоть и кровь. «Когда смотришь на политическую стратегию Ленина, — писал Раковский, — она выглядит чрезвычайно просто. В основу всей своей боевой тактики Ленин положил принцип классовой борьбы. Но для него он не был какой-то абстракцией, а именно тактическим принципом, который он прилагал непосредственно к жизни»¹⁵.

В 1917 г. более, чем когда-либо, Раковский ощущал себя гражданином мира. В этом смысле его отношение к революции в России обоснованно сравнивали с тем, как воспринимал Великую французскую революцию Анахарсис Клоотц¹⁶. И тот, и другой переселились в страну победившей революции,

¹⁴ Х. Инсаров. Князь Меттерних, его жизнь и политическая деятельность: Опыт биографии. СПб., 1905. С. 60. Для публикации своих произведений в России Раковский в то время использовал псевдоним Инсаров, по фамилии болгарского революционера, персонажа романа Тургенева «Накануне».

¹⁵ Rakovski. An Old Comrade's Memories // New Leader (London). 25. 01. 1924. P. 3—4.

¹⁶ Впервые Клоотца с Раковским сопоставил А. Моризет (A. Morizet. Chez Lénine et Trotski. Moscou, 1921. P. 206). Впоследствии это сравнение использовал Исаак Дойчер (I. Deutscher. Trotsky: The Prophet Armed, 1921—1929. Vol. II. Oxford University, 1963. P. 207).